

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

В ожидании ужина

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615915
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«... Большой, широкий гость с твердыми руками и жесткой, пахнувшей табаком бородой глупо тыкался из угла в угол в истерическом ожидании ужина и, исчерпав все мотивы в ленивой беседе с отцом и матерью, наконец обращал свои скучающие взоры на меня...

– Ну-с, молодой человек, – с небрежной развязностью спрашивал он. – Как мы живем?

Первое время я относился к такому вопросу очень серьезно...

»

Аркадий Аверченко

В ожидании ужина

Обращая свои усталые взоры к восходу моей жизни, я вижу ярче всего себя – крохотного ребенка с бледным серьезным личиком и робким тихим голоском – за беседой с пришедшими к родителям гостями.

Беседа эта была очень коротка, но оставляла она по себе впечатление сухого унылого самума, мертвящего все живое.

Большой, широкий гость с твердыми руками и жесткой, пахнущей табаком бородой глупо тыкался из угла в угол в истерическом ожидании ужина и, исчерпав все мотивы в ленивой беседе с отцом и матерью, наконец обращал свои скучающие взоры на меня...

– Ну-с, молодой человек, – с небрежной развязностью спрашивал он. – Как мы живем?

Первое время я относился к такому вопросу очень серьезно... Мне казалось, что если такой большой гость задает этот вопрос, – значит, ему мой ответ очень для чего-то нужен.

И я, подумав некоторое время, чтобы осведомить гостя как можно точнее о своих делах, вежливо отвечал:

– Ничего себе, благодарю вас. Живу себе помаленьку.

– Так-с, так-с. Это хорошо. А ты не шалишь?

Нужно быть большим дураком, чтобы ждать на такой во-

прос утвердительного ответа. Конечно, я отвечал отрицательно:

– Нет, не шалю.

– Тэк-с, тэк-с. Ну, молодец.

Постояв надо мной минуту в тупом раздумье (что бы еще спросить?), он поворачивался к родителям и начинал говорить, стараясь засыпать всякой дрянью широкий овраг, отделяющий его от ужина:

– А он у вас совсем мужчина!

– Да, растет так, что прямо и незаметно. Ведь ему уже девятый год.

– Что вы говорите?! – восклицал гость с таким изумлением, как будто бы он узнал, что мне восемьдесят лет. – Вот уж никак не предполагал!

– Да, да, представьте.

Первое время моему самолюбию очень льстило, что все обращали такое лихорадочное внимание на меня; но скоро я понял эту нехитрую механику, диктуемую законами гостеприимства: родители очень боялись, чтобы гости в ожидании ужина не скучали, а гости, в свою очередь, никак не хотели показать, что они пришли только ради ужина и что им мой возраст да и я сам так же интересны, как прошлогодний снег.

И все же после первого гостя передо мной – скромно забившимся в темный уголок за роялем – выросал другой гость с худыми узловатыми руками и небритой щетиной на щеках (эти особенности гостей прежде всего запоминались

мною благодаря многочисленным фальшивым поцелуям и объятиям):

– А, вы тут, молодой человек. Ну что – мечтаешь все?

– Нет, – робко шептал я. – Так... сижу.

– Так... сидишь?! Ха-ха! Это очень мило! Он «так сидит».

Ну, сиди. Маму любишь?

– Люблю...

– Правильно.

Он делал движение, чтобы отойти от меня, но тут же вспомнив, что до желанного ужина добрых десять минут, – раскачавшись на длинных ногах, томительно спрашивал:

– Ну, как наши дела?

– Ничего себе, спасибо.

– Учишься?..

– Учусь.

Он скучающе отходил от меня, но едва лицо его поворачивалось к родителям – оно совершенно преображалось: восторг был написан на этом лице...

– Прямо замечательный мальчик! Я спрашиваю: учишься? А он, представьте: учусь, – говорит. Сколько ему?

– Девятый.

Остальные гости тоже поворачивали ко мне скучающие лица, и разговор начинал тлеть, чадить и дымить, как плохой костер из сырых веток.

– Неужели девятый? А я думал – семь.

– Время-то как идет!

– И не говорите! Только в позапрошлом году был седьмой год, а теперь уже девятый.

Он говорил это, а в то же время одно ухо его настороженно приподнималось, как у кошки, услышавшей царапанье крысы под полом: в соседней комнате, накрывая на стол, лязгнули ножом о тарелку.

– Дети очень быстро растут.

– Да, он потому такой и худенький. Это от роста.

– Вырастешь – большой будешь, – делает меткое замечание рыжий гость, продвигаясь поближе к дверям, ведущим в столовую.

Выходит горничная; шепчет что-то матери; все вздрагивают, как от электрического тока, но в силу законов гостеприимства не показывают вида, что готовы сорваться и побежать в столовую. Наоборот, у всех простодушные лица, и игра в спокойствие достигает апогея:

– Вы его в гимназию думаете или в реальное?

– Не знаю еще... Реальное, я думаю, лучше.

– О, безусловно! Реальное – это такая прелесть. Если вы хотите его счастья, я позволю дать вам такой совет...

– Пожалуйста, господа, закусить, – раздается голос отца из столовой.

И вот – ужас! – совет, от которого зависит все мое счастье, так и не дается благожелательным гостем. Он подскакивает, будто бы кресло им выстрелило, но сейчас же спохватывается и говорит:

– Ну зачем это, право! Такое беспокойство вам, ей-богу.

На всех лицах как будто отражается невидимое солнце; все потирают руки, все переминаются с ноги на ногу, с тоской давая дорогу дамам, которых они в глубине души готовы сшибить ударом кулака и, перепрыгнув через них, на крыльях ветра помчаться в столовую; у всех лица, помимо воли, растягиваются в такую широкую улыбку, что губы входят в берега только после первого куска отправленной в рот семги...

Подумать только, что все это, все эти неуловимые для грубого глаза штрихи я подметил в детстве, только в моем нежном восприимчивом детстве, когда все так важно, так значительно. Теперь наблюдательность огрубела, и все, что казалось раньше достойным пристального внимания, – теперь сделалось обычным, ординарным.

Чистая, нежная пленка, на которой раньше отражался каждый волосок, так исцарапалась за эти десятки лет, так огрубела, загрязнилась, что только грубое помело способно оставить на этой пленке заметный чувствительный след.

* * *

Вот странно: почему, бишь, это я вспомнил сейчас все рассказанное выше...

Что заставило меня из пыльной мглы забытого вытащить маленького тихого мальчика с худым бледным личиком, вы-

тащить всех этих черных и рыжих гостей с колючими бородами и широкими твердыми руками – всех этих больших, скачущих людей, которые, тупо уставившись на меня, спрашивали в тоскливом ожидании заветного ужина:

– Ну, как мы живем?

Почему я все это вспомнил?

Ах, да!

Дело вот в чем: сейчас я стою – большой взрослый человек – перед маленьким мальчиком, сыном хозяина дома и спрашиваю его, покачиваясь на ленивых ногах:

– Ну, как мы живем?

Со взрослыми у меня разговоры все исчерпаны, ужин будет только через полчаса, а ждать его так тоскливо...

– Маму свою любишь?..